

Дмитрий
Хворостовский
Музыка —
МОЯ ЖИЗНЬ

ОДИН
в тумане

Когда вы
больше
всего
нужны
ребенку

Возвращение
КИНГ-
КОНГА

Птичий грипп: мифы и факты

ридерз

дайджест

Reader's Digest

специальный раздел

ВЗГЛЯД в будущее

Вечная молодость
Ваш умный дом
Робот на кухне

Декабрь 2005 —
Январь 2006

РД Место встречи

Дмитрий Хворостовский

Музыка – МОЯ ЖИЗНЬ

АЛЕКСЕЙ МИХЕЕВ

В 1989 году молодой певец из Красноярска Дмитрий Хворостовский стал лауреатом конкурса Би-би-си «Певец года», завоевал титул «Лучший голос». За полтора десятилетия уникальный баритон Хворостовского покорил буквально весь мир.

Сегодня жизнь 43-летнего артиста представляет собой расписанный на несколько лет вперед тур по разным точкам планеты: концерты, оперные спектакли, запись новых альбомов. Нам удалось поговорить с народным артистом России во время одной из транзитных остановок в Москве, куда он прилетел из Омска.

РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ: Что вы делали в Омске?

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ:

Вчера я пел в Концертном зале Омской филармонии: в первом отделении арии из опер, а во втором песни — военные, советские, неаполитанские. До этого я выступал в Казани и в Кемерове. Завтра едем в Ереван. Потом — Самара, Москва, Дрезден...

Р. Д.: Диапазон вашего репертуара очень широк: от серьезной музыки до массовых жанров. Что для вас более органично?

Д. Х.: Практически все. Я выбираю то, что люблю и что мне близко. Я сам составляю концертные программы. Стараюсь учитывать предпочтения публики, возможности залов, оркестров. В моих программах в первом отделении звучит классическая оперная музыка, хотя я-то знаю, что зритель пришел на второе отделение. Но он потом захочет снова услышать оперу. Классическая музыка все-таки требует определенной подготовки. Мы сами, классические музыканты, слушаем ту же музыку сотни раз — и каждый раз находим в ней что-то новое.

Р. Д.: Сегодня все чаще звучат утверждения, что серьезная музыка превратилась в род шоу-бизнеса, где востребованы только раз-

Сейчас, когда сыну Максиму пошел третий год, он может целый час сидеть и слушать музыку. Жена Флоренс, несмотря на постоянные переезды, пытается заниматься вокалом.

рекламированные суперзвезды, а подлинный интерес к ней падает.

Д. Х.: Не очень согласен. Все-таки число профессионалов, занимающихся классической музыкой, не уменьшилось. Кроме того, интерес к ней во многом зиждется на любителях — тех людях, которые не только слушают, но и занимаются музыкой совершенно беззаветно. Такое любительство развито во всем мире, а особенно в России. Примером тому мой отец — химик-технолог, который всю жизнь занимается музыкой. К сожалению, теперешняя индустрия поставлена на очень жесткий конвейер и не допускает подобного отношения к музыке. Что, наверное, ее и убивает. Это очень опасно. Самые ранние годы — детский сад, школа — должен быть легкий доступ к му-

нятиям классической музыкой. Без этого все пропадет.

Р. Д.: В вашей карьере родители сыграли не последнюю роль.

Д. Х.: Именно благодаря родителям я пошел по этому пути. В чем-либо другом я был абсолютно бесталанным. Помню свою выпускную школьную характеристику: с ней меня, наверное, только в тюрьму могли принять. Тогда мы по этому поводу горько шутили. Теперь тоже шутим, но уже без горечи. По настоянию отца и матери я был вынужден заниматься в музыкальной школе.

Р. Д.: Просто-таки вынужден?

Д. Х.: Мне было там скучно и одиноко. Поиграть не с кем: много дево-

чек, которых я за людей тогда не считал. Массу занятий прогуливал, а потом сдавал экзамены экстерном, помогали хорошие слух и память. А со специальностью возникали проблемы: больших успехов как у пианиста у меня не было. Когда моя учительница узнала, что я поступил в консерваторию, она, как рассказывал отец, долго не могла это поверить. Уже в училище у меня появился голос, и я вдруг неожиданно для всех стал фанатиком вокала.

Р. Д.: Вашему младшему сыну Максиму два года. Вы уже начали думать о его музыкальном образовании?

Д. Х.: Об этом говорить пока рано. Хотя в принципе он уже достаточно образован, потому что слышит клас-

С коллегами по оперному цеху: сопрано Мирелла Френи, теноры Сальваторе Личитра и Марчелло Джордани-Бейтон.

сическую музыку с рождения. На одной из репетиций в Ковент-Гардене он услышал оркестр и увидел дирижера. С тех пор, слыша музыку, он дирижирует. Причем в такт.

Р. Д.: Чем вы занимаете себя в свободное время, как отдыхаете?

Д. Х.: Да я практически и не отдыхаю. Между моими ангажементами есть время в крайнем случае выспаться. Все, что я позволяю себе, — это физические упражнения, в первую очередь плавание. Остальное время связано с музыкой. Серьезную литературу в последнее время не читаю, только такую, знаете, «самолетную»: прочитал и выбросил.

46

Р. Д.: Создается впечатление, что кроме музыки вас не очень многое в жизни интересует.

Д. Х.: Это не только моя профессия, это и есть моя жизнь. Еще есть семья, которая в основном со мной. И в принципе мне больше ничего не нужно. Оседлой жизни у меня быть не может. Я о ней мечтаю, но, надеюсь, этого не произойдет как минимум еще двадцать лет.

Р. Д.: Вы мечтаете об одном, но выбираете все-таки другое.

Д. Х.: Человеку свойственно придумывать себе мечту. Хотя как бы я сам ни говорил — вот, надоело, не хочу... Ерунда. Лиши нас нашего дела, мы будем самыми несчастными.

зауряднейшими, презирающими себя людьми. Это потрясающий интеллектуальный и моральный стимул, который заставляет нас жить, работать, двигаться, чувствовать себя нужным.

Р. Д.: А чем займетесь через двадцать лет: будете сидеть у камина и вспоминать былое?

Д. Х.: Просто вспоминать былое — я удавлюсь. Наверное, будет какая-то другая активность. Мои близкие и друзья частенько говорят, что нужно сниматься. Но как критично относящийся к себе человек я понимаю, что никого не заинтересую как актер. Я прежде всего певец.

Есть еще преподавание. Я уже провел несколько мастер-классов в разных странах и знаю, насколько это трудно — особенно когда тебе нечего сказать. Вернее, есть что, но говорить этого ты не должен. Нельзя сказать кому-то: «Бросай пение и иди копать картошку». А врать нехорошо. Поэтому преподавать я не решаюсь: слишком высокая ответственность.

Р. Д.: В прошлом году вам довелось петь перед огромной аудиторией на Красной площади.

Д. Х.: Тогда я пережил какой-то совершенно удивительный момент слияния с этим местом: Кремль, золотые купола церквей и звучащая музыка, особенно из «Князя Игоря». Я ощутил свою причастность к истории. Совершенно незабываемый эффект, который я буду помнить долго.

Р. Д.: Бытует миф о том, что западная цивилизация живет сугубо материальными интересами и только в России сохранилась высокая духовность.

Д. Х.: Если нам так нравится, то пускай. Хотя люди практически везде одинаковы. И в Америке достаточно много глубоко чувствующих людей. Конечно, у нас Достоевский. И Толстой. Но ведь и на Западе — Шекспир, Бальзак...

Р. Д.: Какие у вас отношения с теми музыкальными жанрами, в которых вы не работаете?

Д. Х.: Прекрасные. Мне все интересно, мне хочется знать больше. И поэтому мое обращение к популярной музыке вполне закономерно. Я нахожу массу приятных и интересных вещей у Пахмутовой, Соловьева-Седого, Таривердиева. Мне всегда нравилась бродвейская музыка и французские шансонье, но раньше я считал, что это не для меня, потому что здесь я не профессионал. Но сейчас я постепенно привыкаю к мысли, что, может быть, стоит попробовать.

Р. Д.: Какие сюрпризы вы готовите для слушателей к Новому году?

Д. Х.: Хотелось бы думать, что к новогодним праздникам выйдет диск, который я как раз сейчас записал: альбом с популярными оперными ариями, где будут звучать и «Борис Годунов», и «Хованщина», и масса французских и итальянских арий.